

Александр Сергеевич Грибоедов: об авторе

OCR: Народная Библиотека Максима Горького

Грибоедов, Александр Сергеевич -- знаменитейший из русских драматургов, родился в Москве 4 января 1795 г. Его первые же впечатления показали ему ту затхлую среду старого барства, чьим смелым обличителем он выступил со временем. Ребенком видел он вокруг себя спесивые и самодовольные лица Фамусовых, Хлестаковых, Хрюминых. Это были родные или светские знакомые его матери, постоянно стремившейся скрыть стесненное свое положение, запутанное беспорядочностью ничтожного мужа, блюсти традиции рода, восходившего к выехавшим из Польши дворянам и украшенного именами многих допетровских сановников, не отставать ни в чем от избранного общества и при помощи связей обеспечить хоть для детей блестящее будущее. Властная и честолюбивая, она способна была изломать жизнь детей, насиловать их природу, попирая их волю и склонности, лишь бы выполнить свой план выхода из захудалого состояния. Но, превышая умом, пониманием духа века и культурными вкусами большинство своих сверстниц, она знала, что, кроме старомодных торных дорог, в александровское время к карьере вели, иногда гораздо скорее и успешнее, новые пути, где родовитость опиралась на просвещение. Не расставаясь со своими заветными идеями и не выходя из замкнутого круга столбового дворянства, она захотела показать на воспитании детей пример разумного пользования новизной. В ее доме, кроме языков, процветала музыка; гувернерами Александра и его сестры Марии были образованные иностранцы -- Петрозилиус, затем Ион; профессора университета приглашались для частных уроков. Мальчик много прочел дома, и явно, и втайне; от шалостей и проказ, в которых рано сказался его горячий, непокорный нрав, он переходил к усиленному, страстному чтению, совсем захватывавшему его. Ни мать, ни брат ее, пользовавшийся неограниченным влиянием в доме, как человек с большими связями и знанием света (впоследствии у него взяты были главные черты для Фамусова), не могли бы отгадать, что происходило в пытливом уме мальчика, которого они так неуклонно направляли, казалось, в духе кастовых преданий, рано вводя его в круг будущих покровителей, знатных или "случайных" людей. Он многое понял, во многом усомнился из того, что ему навязывали как незыблемые основы житейской мудрости, и с трудом выносил гнет любящей, но своенравной и непреклонной матери. Университетский Благородный пансион был первой его школой. Умственное пробуждение довершил университет. Он подействовал и сближением с молодежью, которое все-таки состоялось, вопреки присмотру, и разнообразием научных интересов, развившихся благодаря свободе, с которой студент-юрист мог слушать любые курсы на других факультетах, и личным влиянием наиболее даровитых профессоров. Если некоторые из них, вроде Шлецера, были полезны по обстоятельности фактических сведений, которые они сообщали, приохочивая к самостоятельной работе (Грибоедов навсегда сохранил любовь к занятиям историей, объясняющую и в его комедии возврат мысли к старине, здоровой и цельной, -- а также к экономическим наукам), то бывший геттингенский профессор Буле, разносторонний, с натурой пропагандиста и умением отгадывать дарования и склонности юношей, подействовал на все развитие Грибоедова, оценил и выдвинул его из толпы, расширил его горизонт, занимался с ним приватно, придал ему особый интерес к мировой литературе и прежде всего к драме, которой сам специально занимался, и, начиная с Плавта, Теренция и кончая Мольером и позднейшими французскими комиками, побудил его познакомиться с выдающимися произведениями драматического творчества. Участвуя (по преданию) в то же время и в студенческих спектаклях, бывших тогда чуть не постоянным учреждением, Грибоедов, таким образом, вынес из университета подготовку к тому виду писательской деятельности, который прославил его. Даже его студенческие литературные опыты, или, скорее, шалости, получали драматическую форму. Такова не дошедшая до нас пародия на "Дмитрия Донского"; такова и попытка (о которой свидетельствует один из его товарищей) набросать из действительной жизни несколько юмористических сценок, в которых выведены были бы домашние и родные, весь дядин кружок, но не в парадных, а в закулисных нарядах и поступках. Этот, также утраченный,